

МАША ТРАУБ

Вся la vie

Вся la vie

Маша Трауб

Вся la vie

«ЭКСМО»

2007

Трауб М.

Вся la vie / М. Трауб — «Эксмо», 2007 — (Вся la vie)

ISBN 978-5-699-54419-6

Теплый дом, в котором разбросаны детские игрушки. Дети, которые спят, сбросив одеяло и раскинув ручки. Звонила мама и сказала, что у нее все хорошо, чтобы я за нее не волновалась. Муж заваривает чай и тихонько насвистывает колыбельную, которую пел детям и будет петь внукам. Обычная жизнь. Простое счастье. Маша Трауб

ISBN 978-5-699-54419-6

© Трауб М., 2007

© Эксмо, 2007

Содержание

Старший сын	5
Маленькие детки – маленькие бедки	13
Дядя Ося, тетя Лариса и «доктор софт»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Маша Трауб

Вся la vie

Старший сын

Секс, футбол и военная кафедра

Почти десять лет я работала журналистом-международником. Журнал, газета, другая газета, опять журнал. Иногда мне казалось, что пора выбирать – или я буду замужем за мужем, или за очередным общественно-политическим изданием. Мой последний редактор отдела – мудрый армянин Армен Борисович – тоже так думал. Я приходила к нему и рассказывала, что происходит в мире. А он смотрел на меня и говорил: «Слушай, ну что ты пришла? Тебе больше делать нечего? У тебя – муж, ребенок... Ты им обед приготовить успела? Нет. А про Ирак прочитала успела. Иди домой, к плите вставай». С мужчинами вообще лучше не спорить, а с мудрыми армянами – тем более.

Бывшие коллеги иногда звонили и предлагали что-нибудь написать. Про жизнь. Жизнь мою, моих знакомых, знакомых знакомых, а не международную. Потому что про Хиллари Клинтон уже неинтересно, а, например, про подругу Иру – интересно. Оказалось, что у всех есть своя подруга Ира. Колонки шопоголика в «Известиях», которые стали «сырьем» для этой книги, – тоже про жизнь. Всю жизнь.

Вообще-то у меня два сына. Один, Вася, – свой собственный, второй, Ваня, – сын мужа от первого брака. С Ваней я знакома дольше, чем с Васей. Васю я родила шесть лет назад, а Ванька терпит меня уже почти десять. Не было бы Вани, не было бы Васи, – это Ванька десять лет назад сказал своему папе, что я «прикольная».

Когда он был маленьким, было просто. От меня требовалось загнать его в душ помыть голову, заставить взять нож, чтобы не ковырял мясо одной только вилкой, подстричь ногти на правой руке. Потому что больше никому это сделать с ним не удавалось.

Когда Ваньке исполнилось шестнадцать лет, стало тяжелее. Потому что, когда ему было четырнадцать или пятнадцать, я еще приблизительно знала, чего он хочет, – чтобы все от него отстали. А в тот день, когда ему исполнилось шестнадцать, он сказал, что мы вообще ничего про его жизнь не понимаем.

– Что тебе подарить на совершеннолетие? – спросил его отец.

– Это вы все равно не подарите, – ответил Ваня. Что такое «это», так и осталось загадкой. Он вообще мало, тихо и неразборчиво говорит – это наследственное. Нужно догадываться. Но главное – не спорит. Это он тоже в отца.

Мой муж считается внимательным собеседником – слушает и кивает. Особенно женщины с ним любят разговаривать. Он на все соглашается. Только не помнит, на что именно он согласился, потому что не слушал, а думал о своем. Мечта, а не мужчина.

Отец пытается разговаривать с сыном. Задает вопрос, допустим, про учебу.

– Чего? – не слышит Ванька.

– Не «чего», а «что», – поправляет отец и повторяет вопрос.

Ванька что-то бурчит, рассматривая пятно на стене. Он так долго может сидеть, рассматривая пятно на стене или трещину на потолке. И главное, ему это не надоедает. Я интересовалась.

– Чего? – не слышит ответа сына отец. Ванька тяжело вздыхает.

– А что ты сейчас читаешь? – задает очередной насущный вопрос отец.

Ванька знает, что на этот вопрос лучше ответить громко и внятно, иначе отца понесет и он не остановится. Полчаса по мозгам ездить будет – потерянное время.

– Булгакова, – отвечает сын.

– А что именно? – оживляется отец.

Это предмет наших с мужем извечных споров. Я пытаюсь доказать мужу, что его любимые книги и Ванькины любимые книги – это две большие разницы. Во-первых и в-последних, потому, что у Ваньки нет «любимых книг». Это сейчас не понтово. И не нужно хвататься за сердце, когда шестнадцатилетний сын, пролистав Ильфа и Петрова, спрашивает: «И чё тут смешного?»

– Не помню, – отвечает Ванька на вопрос о Булгакове. Совершенно неправильный ответ.

– Как можно не помнить, что ты читаешь? – Отец начинает заводиться. – «Мастер и Маргарита»? «Белая гвардия»? «Роковые яйца»?

– Не-а, еще фильм есть про это, – пытается сгладить ситуацию Ванька.

– «Собачье сердце»? – догадываюсь я.

– Точно. Фильм прикольный.

Муж все-таки хватается за сердце. Уже поздно. Ванька, посмотрев футбол, заснул на диване с включенным телевизором. Муж ворочается и шепчет:

– Он ведь читал и рисовал, и по музеям я его таскал. Ну почему?

– Потому что они сейчас все такие, – тоже шепчу я.

Ванька до сих пор помнит свой самый ужасный в жизни отдых. Ему тогда шесть лет было, и отец взял его с собой на неделю в пансионат под Питером. Стоило им ступить на питерскую землю, как зарядил дождь. Дождь лил всю неделю, да так, что из номера не выйдешь. За эту неделю отец научил сына главным мужским делам – читать и определять время.

Старший сын очень похож на младшего, несмотря на значительную разницу в возрасте. Как-то я мыла полы и отодвинула от стены Васину кровать. В щели под горой конфетных фантиков я нашла целый склад потерянных вещей, из-за которых было пролито немало слез. Сабля, запчасти от робота, игрушки из шоколадного яйца... Но когда Вася успел съесть столько конфет, судя по количеству фантиков? Втайне от меня он ел не только конфеты. Минут десять я отскребала от пола засохшую жвачку, выметала крошки вместе с остатками баранки. Там же я нашла пакет с жевательным мармеладом, который Васе привезла бабушка, а я не разрешила его есть. Мармелад был кислотного цвета, и от одного его вида меня начало тошнить. Мы тогда с Васей долго препирались, по-моему, я даже разрешила попробовать только одну – одну! – мармеладину. Потому что если Вася съест больше, то его щеки тоже станут кислотного цвета. Пакет, спрятанный под кровать, был наполовину пуст. С другой стороны, он был наполовину полон. Уже хорошо.

И что меня тогда дернуло пойти отодвинуть диван, на котором спит старший? За его диваном тоже было много всего интересного. Две книги – Набоков и «История государства и права», – которые отец потерял еще полгода назад и не мог найти, хотя точно помнил, что давал их почитать сыну. Ванька говорил, что у него книг нет и вообще он не помнит даже, какие обложки были.

Под книгами валялись носки. Носки у Ваньки тоже пропадают бесследно. Даже не по одному, как у его младшего брата, а сразу парами. Я ему столько носков купила, сколько у меня колготок за всю жизнь не было. Когда Ванька не может свои носки найти, он берет отцовские. Отцовские исчезают не так быстро, где-то через неделю. Жвачку я тоже за его диваном долго отколупывала.

Девочки – они другие. Им нравится, чтобы все чистенько, в тон, под цвет глаз. Я вот такая была в детстве. А мальчишки? Пришел, бросил джинсы на пол, а джинсы не складываются – легли колом и запах издают.

Ванька вообще имеет обыкновение влезть в одну вещь и не снимать ее, пока не начнется процесс консервирования. При этом утверждает, что это его единственные штаны и единственный свитер. На предложение поискать в шкафу отворачивается к телевизору, с таким упреком в повороте головы...

Поехали мы с ним за новыми штанами и свитером. По дороге Ваня сказал, что ему нужны «трубы», желательно красно-зеленого цвета. «Трубы» – это когда внизу длинные и прямые. Я сама догадалась. А красно-зеленые – в честь цветов «Локомотива». Это уже он объяснил. Красно-зеленых «труб», естественно, не было. Потом я загнала его в примерочную и принесла то, что нравилось мне. Ванька мерил и говорил: «Отстой». Так всегда бывает. Проще дать ему денег, и пусть он с какой-нибудь девочкой по магазинам ходит.

Сейчас Ваньке уже двадцать. Он взрослый. И рассуждает как взрослый. В том, что он «ленив и нелюбопытен», виноват, как выяснилось, отец. Потому что когда Ваньке исполнилось десять лет, папа подарил ему компьютер. А если бы не подарил, то он, Ваня, и читал бы, и рисовал бы, и в футбол играл.

Кстати, про футбол.

Четыре года назад дело было. Ванька, как обычно, молчал-молчал и вдруг как разразится монологом про Вадима Евсеева. Долго говорил (я залезла в Интернет, узнала, что это футболист такой, правый защитник). На следующий день при упоминании Евсеева я так, между делом, сообщила, что «он неплохо бегаёт по бровке». Что это значит – до сих пор понятия не имею, но тогда сработало. На всякий случай я просмотрела сайты спортивных газет и узнала, что Бекхэм – не только муж бывшей «спайс-герл», но и хорошо бьет штрафные. А Рональдо зря дали «Золотой мяч», и вообще у него лишний вес, но играет он агрессивно. А Эдгар Давидс – это такой негр с хвостом в оранжевых очках. Он уже старый – тогда ему было тридцать три года, – но просто супер. А потом случайно наткнулась на включенный компьютер и выяснила, что ник у Ваньки в аське – Эдгар Давидс. Все это я выложила Ваньке, и он опять сказал, что я «прикольная».

– Давай ему форму футбольную с Давидсом на спине подарим, – завела разговор я с отцом семейства.

Муж немедленно вспомнил, как во время летнего отдыха в каталонском городе Тосса-де-Мар мы по частям купили полный комплект формы «Барселоны». А потом нас не пускали на ужин в ресторан гостиницы, потому что Ванька был в полной экипировке. Старший бурчал себе под нос и отказывался идти переодеваться. Барселонская форма в результате стала дачным хитом. Все выходили мяч попинать в старых шортах, а наш такой красавец весь в красно-синем полосатом.

Так вот, перед днем рождения Ванька совсем скис. Даже на предложение подарить ему новый мобильник последней модели не среагировал. Потерять завоеванный с таким трудом хлипкий авторитет в его глазах я не могла. Так он мне хотя бы все свежие футбольные новости рассказывал – я даже начала Романцева от Ярцева отличать. И начала верить, что Евсеев – это наше все.

Мы залезли на сайт «Ювентуса» (на момент шестнадцатилетия старшего сына Давидс играл в «Ювентусе»). Оказалось, что он умеет говорить сложноподчиненными предложениями. Ваньку как завели – никогда бы не подумала, что буду с интересом слушать про «Аякс», «Милан», «Интер», кто куда перешел, откуда, за сколько и на фига. Старший переводил мне информацию, как будто итальянский был его вторым родным языком. Впрочем, там оказалось все понятно. Футболка *Maglia № 10 di Michel Platini finale Coppa Coppe 1984*. Футболка Роберто Баджо с чемпионата 1992/93-го года. Шорты, перчатки, шарфы. Щелкаешь, выбираешь размер, надпись на спине, вводишь данные и номер кредитной карты, ждешь. Мы все сделали – выбрали, ввели тайно от отца семейства номер его кредитки, подтвердили заказ и сели

ждать. На мэйл пришло письмо с благодарностью за сделанный заказ. Ванька уже видел себя на поле Давидсом. Ждали месяц. Сходили на почту, спросили – там ничего не получали. Еще месяц ждали. А потом перестали расстраиваться. К тому времени было бесполезно проверять, сняты ли деньги с кредитной карты, по причине забывчивости мужа на предмет трат и их полной бесконтрольности.

А потом Ванька поступил в институт и начал играть за институтскую футбольную команду. Защитником. Они сбросились на форму (для отборочных матчей студенческого чемпионата). Весь вечер старший ходил по квартире в именной красно-черной майке. Я думала, он в ней и спать ляжет. Так Вася делает – спит с новыми игрушками, а я ночью вытаскиваю из-под него всяких рыцарей.

Они – Ванькина команда – продули «этим лосям с четвертого курса» и в лигу не вышли. Именная форма стала хитом очередного дачного лета.

Летом Ванька завалил сессию. Мы его спрашивали: все ли нормально? Он говорил «нормально» до последнего. Когда завалил не только экзамен, но и три пересдачи, тогда у него стало «ненормально». Спрашивается, почему молчал? Он что, думал, мы его бить будем или в угол поставим? Ну взяли бы ему справку, что он головой в день экзамена стукнулся, или еще что-нибудь придумали. Хотя что тут придумаешь?

В общем, Ваньке оформили академический отпуск и велели идти работать, раз он учиться не может. Его отец сначала разорался:

– Сам ищи работу, хоть листовки на улице раздавай! – а потом кинулся звонить другу-журналисту – сына пристраивать стажером.

Я считаю, что Ване с папой повезло. Ты сессию заваливаешь, а отец тебя в газету хорошую, да еще и в отдел спорта пристраивает. Везет же некоторым. Но Ванька воспринял журналистскую карьеру как должное. Не листовки же ему на улице раздавать, в самом деле. Тем более что в футболе «он все понимает». Тут понесло уже меня.

Вот друг мужа, Миша, действительно в футболе все понимает. Он еще когда в первом классе учился, все понимал. Закрывался в туалете и комментировал только что воображаемую игру тбилисского «Динамо».

– Ты знаешь, кто такой Кипиани? – орала я на старшего сына. – Даже я знаю. Мишка может вспомнить гол, забитый на двадцать второй минуте в 1983 году в отборочном матче Кубка кубков, и состав сборных перечислить. А ты можешь? А за десять минут текст написать можешь? А десять заголовков к нему придумать можешь?

Старший пошел на работу.

– Ну, как дела? – спросили мы его вечером.

– Нормально. Они там ничего не делают, только футбол целыми днями смотрят и пиво пьют. Дядя Миша спал на сдвинутых стульях.

Муж позвонил Мишке и попросил «озадачить мальчонку».

На следующий день Ваньку отправили на задание. Куда смогли, туда и отправили – на соревнования по женскому гандболу. Старший пришел домой недовольный:

– Я же на футболе хочу специализироваться. Чего меня туда отправили? Я же ничего в этом не понимаю.

– Так разобрался бы, почитал, – посоветовал мой муж. – А что ты хотел? Сразу на чемпионат мира по футболу поехать? Так не бывает.

– А как бывает?

– Сначала женский гандбол, синхронное плавание и за пивом бегать.

Муж опять позвонил Мишке и попросил посадить стажера за компьютер – пусть хоть десять строк напишет. Мишка просьбу выполнил.

Муж позвонил сыну в середине дня. Тут же перезвонил мне:

– Слушай, Ванька злой, орет, даже трубку бросил. Что это с ним?

– Это он головой работает, – объяснила я. – А орет с непривычки.

Текст Мишка переписал и поставил в газету под Ванькиной фамилией.

Наш старший до сих пор девушек клеит, говоря, что он – спортивный журналист. Девушки, как оказывается, спортивных журналистов любят больше, чем студентов.

Хотя Ванька мог бы смело говорить, что он курьер. Курьером он тоже успел поработать, после того как ему надоело ходить в газету.

– Почему ты в редакцию не едешь? – спросил сына муж.

– Да ну, – ответил тот.

– Что значит «да ну»?

– Не нравится мне там. Кабинет маленький, а они все курят. Топор можно вешать. У меня там глаза начинают слезиться через пять минут, и я ничего не соображаю. Как они могут там писать? Вечно все ходят туда-сюда... И платят копейки. Ты же больше получаешь.

Зря он это сказал. Его отец всю жизнь в таких каморках прокуренных просидел и получал копейки, пока имя себе не заработал. Вот после этого муж сказал сыну то, что должен был сказать сразу: «Устраивайся сам».

Старший устроился курьером. С зарплатой 200 долларов плюс 130 рублей на обед. Дело под Новый год было – Ванька мотался по Москве с пакетами, бутылками, поздравительными открытками. Домотался до гриппа и обострения гастрита.

– Ну что, головой ведь лучше работать, чем ногами? – спросил назидательно отец.

– Лучше вообще не работать, – ответил сын.

От гнева отца его спасла только высокая температура.

У него в институте началась военка. Старший попросил денег на обмундирование. Попросил как-то много, перечислив список необходимых вещей – от кокарды до тельняшки. Мы дали бы и больше – так были счастливы, что сын наконец отгулял академку и опять учится.

По поводу военной кафедры он страдает уже второй год. На первом курсе туда нужно было записываться на специальной лекции, которую наш Иван, естественно, проспал. Потом туда можно было как-то хитро приписаться, но он опять проспал время приписки. Восстановившись, он не проспал лекцию и записался.

Сначала я подумала, что военка – это экономия для семейного бюджета. Потому что до военки Ванька ходил в салон к хорошему мастеру и делал модную стрижку. Перед военной тетенька из местной парикмахерской, которая стригла Ваньку еще к первому сентября в первом классе, сделала ему «скобку» за 250 рублей. Без мытья головы.

В тот день, когда в институте военка, Ванька не встречается с девушками – у него нет моральных сил, и вообще женщин со стройподготовкой он не смешивает. Сильно пахнет. Получается минус траты на кино и кафе.

Теперь же я думаю, что военка – это накладно. В магазин за формой он отправился со своим другом по детскому саду Димон. Димон успешно проходит армейскую службу в ближайшем Подмосковье и часто ходит к Ваньке в увольнительные. Димон, размером с дверной шкаф, класса с шестого мечтал стать спецназовцем. Он даже обрадовался, когда наш вылетел из института, – надеялся, что друг тоже станет человеком. Димон – мальчик хороший. Он затащил длинного и тощего Ваньку в «качалку». Это плюс. Он облевал всю ванную и снес с косяка дверь на дне рождения Ивана – это минус. Димон молчит при взрослых – это плюс. С Ванькой он говорит только о бабах и бабках – это минус. Димон познакомил его с Маринкой «с района» – это плюс. Маринка «с района» предпочитала мужчин типа Димона – это минус.

Но наш верен детсадовской дружбе – дает Димону деньги в долг и знакомит его со своими институтскими приятельницами, которых Димон на Ванькины деньги и гуляет. Старший из уважения к чувствам и мечтам Димона стать контрактником даже не повторяет как заве-

денный по поводу военки: «Бред, бред, бред». Он даже не может нам внятно рассказать, что они там делают. Спрашиваешь: что делали? Он отвечает: «Бред всякий». Спрашиваешь: что рассказывали? Он отвечает: «Бред несли».

Они с Димоном купили тельняшку, а тельняшка по уставу не положена – нужна другая, защитного цвета. Денег дали. После магазина они с Димоном, как те девочки после шопинга, пошли обмывать покупки в забегаловку. Димон нажрался пивом, а мы не могли дозвониться до Ивана – он заплатил за Димона, а бросить на мобильный не хватило.

Еще Димон позвонил из части и посоветовал дать бабок прапору и пойти по бабам.

Ванька пришел домой после очередной военки – злой, голодный, осоловевший. Маленький Вася наставил на брата пистолет и предложил поиграть в солдатиков.

Ванька искренне так застонал.

* * *

Так вот, про тот день рождения, когда Димон дверь снес с косяка. Вообще-то Ваня не хотел его отмечать. Но тогда у него появилась девушка Аня, и мальчик решил «попонтоваться». Ведь Аня была «постоянной» девушкой – они целых три недели встречались. Нам он сказал, что хочет отмечать в клубе. Чтобы у Ани никаких сомнений в Ване не было. В клубе он хотел зал, потому что народу много. И чтобы еда там, и выпивка – скромненько, но со вкусом. Текила, водка и сухое белое вино. Из еды – моцарелла с помидорами, семга... Никакого тебе салата «Оливье», нарезанного с подружкой, и спрятанной от мамы под кроватью бутылки «Мукузани».

На день рождения Ваня попросил в подарок сноуборд. Причем подарок он хотел получить заранее, чтобы уже гостям показать.

– А почему сноуборд? Ты же ни разу даже не катался, – удивилась я.

– Анька раньше встречалась с Витьком из тринадцатой группы. А Витек – сноубордист, – объяснил он таким тоном, будто для идиотов, которые не понимают очевидные вещи.

А потом он сказал, что «ничего не нужно» – ни клуба, ни текилы, ни сноуборда. Аня его бросила, «потому что она со всеми больше месяца не встречается». Но день рождения Ванька все равно отметит, «назло». Дома. Будет только «их компания». Значит, восемь человек. Именинник сказал, что пиво для мальчиков и мартини для девочек надо купить обязательно, а там «как пойдет». Пошло хорошо – ребята принесли в подарок бутылки, а девочки – рамочки для фотографий.

Пиво с мартини закончились после того, как пришел Димон и привел с собой двух подружек. Одну – для себя, другую – для друга. Еще через некоторое время закончились и «подарочные» бутылки. Я, предполагая такую ситуацию, выдала Ваньке деньги на «крайняк». За «крайняком» Димон несколько раз бегал в палатку к метро. Потом Димон высадил плечом дверь и остаток вечера пытался ее поставить на место. Ему говорили: «Кончай, потом поставим», – но Димон – парень упертый. Он так и уснул, лежа на двери прямо на проходе. Димон всем мешал выходить и входить в комнату, народ через него перешагивал, но трогать никто не решился. Поэтому он многое пропустил. Например, то, что одной из его подружек – которую он для себя привел – поплохело на ковер. А как только ей стало лучше, она долго курила на лестнице с Ванькиным институтским другом. И их с тех пор никто не видел. Проспал Димон и визиты соседей. Не слышал он и то, как Ванька с друзьями кричали в открытое окно: «Самый лучший коллектив – это наш «Локомотив»!»

Димон очнулся свеженьким, приставил дверь к стене и побежал к метро – за шампусиком. Шампанского захотела та девушка, которую Димон привел для Ваньки и которая уже сидела у именинника на коленях. Отказать в таком положении Ваня не смог и выдал Димону деньги из тех, что откладывал на MP3-плеер. Девушка жертвы не оценила – рыгнула пузырь-

ками, сползла с Ваньки и плюхнулась на колени к Димону. Димон, к счастью, подмены в распределении девушек не заметил...

Совсем хорошо было, когда Ванька отмечал день рождения на даче. Все, что смогли, гости везли на электричке. Быстро съели и выпили. До станции за добавкой идти им было лень. Девочки мыли посуду, мальчики обсуждали футбол. Трезвые. Рано легли спать. Глупостей не делали. Потому что спать было можно только одетыми в одной обогреваемой комнате. Утром вернулись домой – румяные и бодрые.

Летом Ваня сессию сдал. На радостях его отец решил отправить сына в Англию на двухнедельные языковые курсы. Я, конечно, считала эту затею обреченной на провал. Мне казалось, что нужно сделать так, как сделала наша знакомая.

Знакомая отправила своего сына на месяц в Испанию, к давнему другу семьи. Старику коммунисту было под восемьдесят, он помнил режим Франко и только про это и говорил. Друг семьи жил в деревне, до Мадрида не доедешь. Так вот, сын знакомой целый месяц ухаживал за престарелым коммунистом – бегал на рынок, готовил еду, мыл полы, читал вслух газеты. Мальчик за этот месяц научился многому – материться, рассуждать о политике, женщинах... Ну и конечно, все это – по-испански. Старик расставаться с мальчиком не хотел. Еще бы месяц – и парень стал бы убежденным коммунистом.

Но Ванин папа, побывавший в командировке в Кембридже, был категоричен – через две недели его сын вернется в Москву, позабыв родную речь. Муж, налив себе виски, делился мечтами – Ваня отучится, ему так там понравится, что он блестяще сдаст экзамены, подаст документы в университет, получит стипендию как юный гений, познакомится с девушкой из приличной семьи, начнет ходить в английском твидовом пиджаке в клетку, и тогда можно будет вздохнуть спокойно...

Фирму, которая отправляет детей в языковые школы, нашли через друзей. Друзья пять лет подряд отправляли своих двух дочерей на три месяца в Англию и были довольны. Мы даже хотели отправить их вместе. Но девочки сказали, что не поедут. Старшая сообщила, что собирается замуж, а младшая бросила институт, чтобы наконец заняться настоящим делом – играть на саксофоне.

Представитель фирмы нам пообещал, что Ваня в Англии соотечественников не встретит – жить будет с французом, учиться – с китайцами. Ванин папа рассказывал ему про Кембридж, Ваня кивал, набирая эсэмэску. Он всегда так делает – как только отец начинает что-то говорить или, что еще хуже, рыться в домашней библиотеке в поисках книги, которую «нужно прочитать», Ваня тянется к телефону. Отца завораживает скорость, с которой Ваня набирает эсэмэс-сообщения, и он забывает, что хотел сказать.

Когда назад пути уже не было – деньги отвезены, документы сданы, Ваня поделился со мной радостью. С ним в Англию едет Инка.

– А кто такая Инка? Твоя девушка или просто подруга? – спросила я.

– Типа подруга, пока не знаю, – ответил Ваня.

Инка оказалась бывшей девушкой нового Ваниного институтского друга Данилы. Данила, по Ванькиным рассказам, был чем-то похож на Димона. Такой же немногословный любитель женщин и «качалки». Так вот, Инка Данилу бросила. А Ванька ее после этого успокаивал. Почему он успокаивал бессердечную девушку Инку, а не брошенного Данилу, он мне объяснял, но я не поняла.

Так вот, Данила случайно увидел, как лучший друг «успокаивает» его бывшую девушку, и посоветовал Ваньке не попадаться ему на глаза в «качалке». А то он его тоже успокоит – свободными весами по голове. Ванька рассказал все Инке. Та решила, что, наверное, зря Данилу бросила. Он ведь такой сильный, накачанный. А если ревнует, значит, любит. В общем, Ваня сказал Инке, чтобы они сами с Данилой разбирались, а он едет в Англию.

Тут Инка еще немного подумала и решила, что правильно Данилу бросила. Он что – тут, в Москве, и из «качалки» не вылезает. А Ванька в Англию едет. Перспективный парень... Инка захотела ехать с Ваней – через ту же фирму, в то же время, в тот же город, по такой же программе.

Потом Инна, чтобы им с Ваней было веселее, привела в фирму свою подружку Светку. Так их стало трое. Еще Инна хотела найти четвертого – мальчика, чтобы Светке не было скучно.

Ванин папа про все это не знал. Если бы я сказала, что Ваня в Англии не с французами жить будет, а с Инкой и Светкой, муж бы расстроился.

Я спросила у Вани, что он себе думает. Ваня думал следующее: круто, что едет в Англию, потому что уже все съездили, а он еще нет. Круто, что он полетит «Бритиш Эйрвейз», а не «Аэрофлотом». «Один проблем» – Инка хочет после Англии поехать в Турцию, «зажечь», и он тоже хочет, потому что в Турцию и Светка поедет, но неизвестно, захочет ли отец дать денег.

Ваня начал заводить разговор про автошколу как бы к слову:

– Ты уже переобулась? Наши на третьем курсе уже все переобулись. Вот если бы у меня были права, я бы сам поехал в сервис и поменял бы тебе резину... А вот Славка уже по городу начал ездить. Два раза. А Ирка уже три раза в ГАИ завалилась. Один я как этот...

Я головой понимала, что требования обоснованные. Сама в институте на права сдавала. Только чтобы не быть «как эта». Правда, машина у меня появилась через пять лет после получения прав. Но понимать – понимаю, а толку-то?

– У тебя сессия на носу. Ты же сам говоришь, что у тебя времени нет вообще, – пререкалась я с ним.

– На это найдется, – бубнил он.

– А нельзя в автошколу летом во время каникул пойти? И на чем ты ездить собираешься? Ты же потом машину попросишь.

– Вы же сами начнете орать, что летом я должен работать. А машину можно купить и подержанную. Вот Славка нашел за пятьсот баксов. Нормальная тачка. Он и мне найдет.

– Твой Славка уже разбил отцовскую, нормальная машина не может стоить пятьсот баксов, и где ты вообще собираешься брать деньги?

– У папы.

– А что сказал папа?

– Сказал, что даст.

Я, со значением гроыхнув стулом, пошла к отцу семейства. Муж сделал вид, что читает очень интересную книгу, и сказал, что разговор был неконкретный, а чисто теоретический. Мол, в будущем, когда мальчик встанет на ноги и заработает хотя бы на два колеса, на остальные два он добавит. А для начала пусть сессию нормально сдаст.

Ванька, естественно, грохнул дверь в комнату, пробубнив, что он единственный на курсе без машины. И даже без прав. Стыдно в институте появляться. И все его достали этой сессией. А завтра у него семинар по истории государства и права зарубежных стран, а там все законы разные, и выучить это невозможно. И так все фигово, а тут еще мы достаем.

Лучше бы молча денег дали.

Маленькие детки – маленькие бедки

Наша песочница

Мой пятилетний сын Вася писал письмо Деду Морозу. Исполнение – няня Даша, идея – моя. Даша вложила в письмо всю душу. Она от имени Васи написала, что очень хочет, чтобы поскорее наступила настоящая зима, потому что наша Даша очень любила снег и мороз. В абзаце про достижения за год Даша написала: «Я научился завязывать узелки на шнурках». В скобочках приписала – «пока не банты». Эти узелки с бантами ей не дают покоя. Я, как обычно, дала задание – научиться завязывать шнурки, и Даша уже полгода упорно осваивает «морской узел». Василий, по-моему, эту страсть не разделяет. В конце письма у Даши, судя по всему, сдали нервы – в тексте появились сокращения «пож-ста» и «м.б.».

А потом позвонила Нина Ивановна. Она так и сказала:

– Здравствуйте, это Нина Ивановна. – И сделала паузу. Предполагалось, что я должна ее узнать и обрадоваться.

Я сказала «здравствуйте». Нина Ивановна спросила, как поживает Вася. Я сказала «спасибо, хорошо», перебирая в памяти всех родственников мужа, потому что у меня Нин-ивановн не было. Нина Ивановна тем временем извинялась, что не позвонила раньше, и спросила, как идет подготовка к Новому году. Я послушно ответила, что Вася написал письмо Деду Морозу. Нина Ивановна опять обрадовалась и спросила:

– Значит, вы нас ждете? Давайте уточним время и адрес. Да, кстати, цены у нас прошлогодние.

И тут до меня наконец дошло. Конечно, Нина Ивановна. Из фирмы, в которой я в прошлом году заказывала Деда Мороза со Снегурочкой в гости. Дед Мороз, согласно фирменной легенде, был актером МХАТа, а Снегурочка – студенткой театрального училища. Нина Ивановна клялась, что Дед Мороз будет трезвым, а Снегурка – красивой.

...Они зашли на лестничную площадку, оглядываясь по сторонам.

– Дети здесь есть? – шепотом спросил Дед Мороз.

– Есть, – шепотом ответила я.

– Тогда тихо, – скомандовал он. – Ведите.

Я даже заволновалась. Переодевались они в закутке рядом с мусоропроводом.

– Рассказывайте, только быстро, – дал команду Дед Мороз.

– Что рассказывать? – спросила я.

– Про ребенка. Он будет стихи читать или песенки петь? – ласково уточнила Снегурочка, действительно красивая, пока парик с косами не надела.

– Не будет, – ответила я.

Дед Мороз взял у меня из рук конверт с деньгами, подарок для ребенка, медленно оттянул синтетическую бороду и почесал шею. Чесал так, как будто стоял на большой сцене, а не рядом с мусоропроводом. И смотрел пронзительно, с такой трезвой грустинкой в радужке глаза, что я готова была сама про елочку ему спеть. Они отработали отлично. Вася онемел от восторга и отдал Деду Морозу свою таблетку от кашля – он тогда болел.

Я сказала Нине Ивановне, что мы их ждем, и попросила того Деда Мороза, прошлогоднего.

– У него глаза такие, понимаете? И шея чесалась, – вспоминала я его особые приметы. Нина Ивановна обещала найти.

Дед Мороз был другой. Даже Вася это понял.

– Бедненький дедушка, – сказал Василий после того, как Дед Мороз зашел в дверь и сказал:

– Здравствуй, Вася. Я Дедушка Мороз.

Дед Мороз был маленький, худенький и молоденький. Прямо не Дед Мороз, а мальчик – Новый год. Под синтетической бородой на нежных мальчишеских щеках торчала жиденькая щетинка. Ну точно как у нашего старшего, девятнадцатилетнего на тот момент, сына. Вроде и побриться надо, а из-за двух волосенок пачкаться пеной не хочется. К тому же этот мальчик в костюме с чужого плеча сильно картавил: «здгаствуй, могоз, пгинес, замегз...» Вася в такого Деда Мороза не поверил.

– Мам, а может, к нам другой Дед Мороз придет? А этот пусть к брату ходит, – сказал ребенок.

Четыре мальчика, одна девочка, один грудной младенец. Папы-мамы. Вася готовился отмечать свой первый юбилей – пять лет. Хотя он уже с полгода говорил, что ему пять. А свечек на торт он потребовал поставить шесть, потому что у паровозика, который вез на торте свечки, было шесть вагонов.

Васин папа надул три воздушных шара и сдулся. Шары тоже сдулись, потому что Васин папа не умеет завязывать ниточку. Я полезла вешать праздничные флажки и грохнулась с крутящегося стула. Вася разорвал упаковку с праздничными стаканчиками, налил в каждый сок, вставил трубочки и пил по очереди из каждого. Праздничные пластмассовые тарелочки, как выяснилось, хорошо летали. Летать одной тарелкой Вася не захотел и запускал все. Праздник обещал быть.

Гости собирались. Папы пили аперитив, мамы курили на кухне, мальчики тыкали друг друга пластмассовыми саблями и чуть не попали в глаз девочке, ради которой они, собственно, и тыкались саблями. Младенец спал в спальне. Артисты гримировались в коридоре. Да, артисты. Я вызвала на дом детский театр. Показывали сказку про Волка, который ловил хвостом в проруби рыбу. С декорациями и музыкальным сопровождением. Отыграли отлично. В экстремальных условиях, можно сказать. Потому что нужно было не задеть буфет с бутылками и посудой и не снести со стены картины. На четырех квадратных метрах Лиса падала замертво, а Дед грузил ее на санки, Волк гонялся за Лисой, а Бабка за Дедом. Это очень тяжело, потому что на тебя смотрят не только дети, но и их родители. Вот одна мама заметила, что у Волка была расстегнута ширинка, а один папа счел двусмысленными Бабкины частушки на мотив «Пидманула-пидвила».

Дети – благодарные зрители. Девочка сразу после спектакля сказала своей маме, что теперь будет носить валенки. Дело в том, что девочка с родителями живет за городом. Девочкин папа не очень любит чистить снег на своем участке, и там без валенок никак. И она отказывалась носить валенки наотрез. А тут увидела, что Бабка носит валенки, и согласилась. Потом дети дружно пересказали содержание сказки проснувшемуся младенцу. По ролям. Они корчили рожицы и заваливали диван плюшевыми собаками (вместо волка) и машинками (вместо санок). Младенец лежал на диване, пытался откусить кузов игрушечного грузовика и улыбался.

– Мама, а ты знаешь, волки тоже ходят в туалет, – сказал мне вечером Вася, когда гости уже разошлись. Кстати, они расходились по частям. Папа с мамой одного мальчика уже успели спуститься на лифте на первый этаж и только там обнаружили недостачу – сына. Сын в это время стоял одетый и забытый, из коридора досматривал по телевизору мультик. Так вот про волков.

– Может быть, это артист, который играл Волка, в туалет пошел? – спросила я.

– А Волк тогда что, описался? – не понял Вася.

Я очень люблю детские праздники из-за взрослых. Дети ведут себя предсказуемо. Взрослые – никогда. Домашние спектакли – отдельная тема. Три артиста, условная ширма, сдвинутый к подоконнику стол, сказка по мотивам народных плюс викторина, дети-мамы-папы на

диване. В любой компании совершенно точно окажется активная мама, которая будет громче всех отвечать на детские вопросы, перебивая своего и чужих детей.

– Дети, сидят в темнице девица, а коса на улице?

– Морковка! – кричит мамаша. – Правда, Коленька? Коленька в этот момент уже насупился и шмыгает носом. Он знал, он знал, но мама оказалась быстрее. Мама наконец замечает страдания сына и картинно прикрывает ладонью рот:

– Все, молчу, молчу, давай ты сам.

Но молчать она не может. И на следующую загадку «Два конца, два кольца...» шипит в ухо сыну:

– Нож-ни...

В этот момент, услышав подсказку, отвечает другой мальчик. И бедный Коленька опять не успевает. Он перестает шмыгать и сползает под стол от обиды. Мама начинает его оттуда вытаскивать, сообщая всем, что «с ним всегда так, не знаю, что и делать».

Находится и папа, не обязательно муж этой мамы, который тихо, но так, чтобы все слышали, заметит, что Лисичка уже не так молода и попа у нее могла бы быть и поменьше. Варианты – «у Зайчика-то грудь не заячьего размера». Еще одна мама обязательно с ним согласится и добавит, тоже шепотом, что Волк «вполне себе ничего, особенно в этом симпатичном трико».

А еще один папа, как пить дать, будет следить за текстом. Поскольку представление «по мотивам», то импровизация не всегда оказывается достаточно интеллектуальной. Так вот этот папа найдет как минимум три стилистические ошибки, две фактические, а потом долго будет взволнованно рассуждать на тему «тотального опопсения и упадка общего уровня культуры». И вообще, кто им пишет тексты? Как можно писать такие тексты?

На очередной день рождения Васи я позвала клоунессу. Обещали клоуна, но тот не смог. Пришла женщина лет сорока. Переодевалась тоже в коридоре рядом с мусоропроводом. Рисовала себе алые щеки по бледному лицу. У нее явно что-то случилось. Это такое состояние, когда ты совершаешь привычные движения, а руки не слушаются. У клоунессы падали из косметички кисточки, рассыпалась пудра. Мне нужно было возвращаться в квартиру, к гостям, но было неудобно оставить женщину. При этом она на меня никак не реагировала. Стоит и стоит. Клоунесса достала из сумки цветные панталоны и сняла джинсы.

– Подержи, – попросила она меня.

На колготках оказалась дырка. На этой дыре клоунесса и расплакалась.

Я помню свой детский кошмар. Мама отвела меня в цирк. Мы сидели в первом ряду. На арену вышел клоун с нарисованным ртом. Зачем-то он вытащил на арену меня и еще одного мальчика из первого ряда. Я упиралась. А моя мама, вместо того чтобы защитить меня от клоуна со страшно раззявленным ртом, подтолкнула и сказала: «Иди, иди». Так вот, уже на арене я разрыдалась. А мальчик, стоявший рядом, стал жаться коленками. Клоун подскочил ко мне, и вдруг из его глаз брызнули слезы. В два ручья. Клоун начал меня передразнивать: «Ы-ы-ы!» Я видела, что слезы льются не из глаз, а откуда-то сбоку, из-под волос, и зарыдала от ужаса еще сильнее. С тех пор на цирк я реагировала, как собака Павлова.

– Машенька, хочешь, в цирк пойдем? – спрашивала меня мама.

– Ы-ы-ы-ы, – начинала подвывать я.

Так вот про клоунессу. Она плакала настоящими слезами, размывая грим.

– Почему вы плачете? – спросила я, понимая, что ситуация по меньшей мере странная. Мы стоим рядом с мусоропроводом, клоунесса плачет, а я держу в руках ее джинсы и конверт с деньгами. В квартире сидят гости, дети ждут клоуна, у моего ребенка день рождения. Женщина, видимо, хотела ответить. Но в этот момент на площадку вышел мой муж в поисках жены и заказанного клоуна. Мы обе подобрались, я сунула клоунессе конверт и джинсы, она запихла вещи в сумку и улыбнулась мужу раззявленным ртом.

Клоунесса вошла в дом с заготовленной фразой: «Сегодня меняется мода, Васе – четыре года. Ха-ха-ха». Муж посмотрел на меня выразительно: «Что это?»

Клоунесса тем временем загнала детей в детскую, выстроила паровозик, потутукала. Работать она должна была час. Ее хватило минут на тридцать. Она усадила детей за стол и велела есть. Дети были накормлены заранее, чтобы все пребывали в хорошем настроении, когда придет клоун. Но они сели и стали есть. Клоунесса тоже села. И перестала быть похожа на клоунессу. Она сидела на детском стульчике, ссутулившись, опав лицом. Одна девочка подошла к ней и поставила тарелку: «Тетя, поешь, ты, наверное, устала». Это был ее профессиональный провал. И она это поняла. Девочка погладила тетю по парикам. Остальные дети тоже стали ее гладить и успокаивать. Такой вот получился грустный праздник.

* * *

Ты ждешь этого каждый день. Иногда хочется, чтобы это наконец случилось. А когда это случается, оказываешься к этому не готова. Я говорю о смене няни для ребенка.

Няня – это благодарная тема для разговора. Даже если впервые видишь женщину, допустим, жену начальника мужа, и не знаешь, о чем с ней говорить, нужно говорить о нянях. К концу разговора вы станете лучшими подругами. А страшилки из совместной жизни с няней? Это интереснее, чем рассказ про бывшего мужа или тайного возлюбленного. У меня есть несколько любимых.

Одна няня в одной семье была уволена за то, что съела целиком карпа, которого любовно приготовил глава семьи на ужин. Жена главы семьи пыталась заступиться за женщину.

– Ну съела, тебе что, жалко? – спрашивала она мужа.

– А что делал ребенок, пока она ела карпа? – мотивировал увольнение муж. – Карп – рыба костлявая. Она с ним часа два возилась.

В другой семье с приходом няни стали пропадать таблетки из аптечки. На ребенке пропажа, слава богу, не отражалась. Через месяц мама малыша проследила закономерность – пропадали только дорогие лекарства. После вызова на ковер няни выяснилось, что женщина пила таблетки «впрок». Нет, она ничем не болела, несмотря на солидный возраст, но и заболеть не хотела. А если лекарство дорогое, то оно точно не навредит, а поможет сохранить здоровье.

– А зачем же вы выпили мои противозачаточные таблетки? – с некоторой завистью спросила мама ребенка.

Еще в одной семье няня попросила разрешения привезти зимние вещи «на хранение». Жена хозяина дома разрешила. Когда вечером с тяжелой работы пришел хозяин и открыл дверцу шкафа, чтобы повесить на вешалку свой дорогой костюм, он увидел, что вешать костюм буквально некуда. Половину шкафа занимали чужие юбки, кофты. Добило же его пальто с лисьим воротником. Лиса линяла на все его пять деловых костюмов.

Какая няня считается замечательной? Образованная, исполнительная, чистоплотная? Нет. Та, с которой ты оставляешь ребенка со спокойным сердцем. И в течение дня сердце не ноет, а рука не тянется к телефону. Та, за которой не нужно следить – неожиданно приходит, подъезжает к детской площадке на машине и смотреть, как они гуляют, не спрашивать консьержку, во сколько ушли, во сколько пришли. Все мои няни были такими.

Первая, когда ребенок был совсем маленьким, пропала неожиданно и с концами вместе с отпускными зарплатными за месяц вперед деньгами и ключами от квартиры. Меня успокаивали: все остальное же на месте – и советовали сменить замки. Я не верила, что женщина, которая целовала моего ребенка в попу, может что-то украсть.

Вторая – интеллигентнейшая, образованнейшая тбилисская осетинка – жила у нас. Тогда случилась Дубровка, и она не могла снять даже комнату, как «лицо кавказской национальности». Ей было плохо – в другом городе остались муж и двое детей. Она скучала по ним и пла-

кала на кухне. Рассказывала про нянь своих детей, домработницу, богатый хлебосольный дом, который рухнул в одночасье, когда началась война. Я покупала ей валерьянку... Мы решили расстаться по обоюдному согласию – чтобы сохранить ее чувство собственного достоинства и мои нервы.

Последняя няня уволилась сама. В другой семье ей предложили на сто долларов больше.

Муж говорит, чтобы я не переживала. Я не виновата, что она стала искать другую семью. Няня – это такой же бизнес, ничего личного.

Сейчас мне нужно найти новую няню, но страшно идти в агентства. Потому что я не знаю, кого хочу. Няни из прошлого века, которые приходили в семью молодыми девушками, селились в дальней комнате, переживали арест родителей-нанимателей, выцарапывали из тифа больных воспитанников, ломали ради них свою личную жизнь, воспитывали их детей, а потом тихо умирали в той самой дальней комнате, оплакиваемые несколькими поколениями семьи, есть только в книгах. В агентствах, самых элитных, таких нет.

Первую няню – Татьяну Михайловну – мы не искали. И она нас не искала. Мы сняли дачу на лето – грудному ребенку нужен чистый воздух. Татьяна Михайловна была домработницей у нашего хозяина и за отдельную плату помогала мне мыть полы. Утром развешивала на веревке семейные трусы хозяина, готовила азу по-татарски и бежала на нашу половину участка. Споро мыла полы и говорила:

– Давай посидимкаем.

Это означало, что я могу делать что хочу – мыть посуду, перетирать ребенку яблочное пюре, а Татьяна Михайловна будет про жизнь рассказывать. Для нее было главным, чтобы моя спина находилась в пределах видимости.

Ей пятьдесят, приехала в Москву на заработки. Искала работу с проживанием. Всю жизнь отработала в столовой. Повар высшей категории. Хозяин ее взял, потому что не дурак пожрать. «За семьей» скупает. Дома внучок остался и невестка-змеюка. В квартире хорошей, трехкомнатной. А там все: два ковра в зале – на стене и на диване, палас в маленькой комнате, фарфоровый сервиз. А сын здесь, в Москве, гастарбайтер на стройке. Она его и пристроила. Тот не хотел ехать, а жрать хотел. Да еще невестка-змеюка отговаривала мужа ехать. Думала, муж в Москве бабу заведет. Правильно думала. Сынок с продавщицей спутался. Тоже змеюка еще та. Хозяин, конечно, тот еще «подарочек». Жмот. На рынок пошлет, так все до копейки проверит. А у него еще квартира в Москве. Сдает за тыщи. Жмотяра. И паскудный мужичонка. Сороковник. А ни жены, ни детей. Все на себя тратит – на жратву да на бутылки. А кому добро достанется? Есть у него баба постоянная. На выходные приезжает. Уже два года приезжает. Замуж хочет – у нее сынок-подросток. Так понятно, зачем ездит. А этот не женится. Щас, разбежался.

Сколько раз уходит собиралась! А он как сядет за стол, как начнет есть, так и не уйдешь. Очень аппетитно ест. И все, что ни поставишь. А она стоит и смотрит. И решает остаться.

Ушла Татьяна Михайловна от любившего пожрать хозяина из-за сына. Тот остался без работы и без жилья. А назад, на родину, в трехкомнатную квартиру, к жене, к сыну, уезжать не хотел. Продавщица же здесь, в Москве, оставалась. Хотя она, наоборот, говорила, чтобы он ехал – разводиться. И билеты готова была сама оплатить. В оба конца. Но сын Татьяны Михайловны разводиться совсем не собирался. Ни холодно ему, ни горячо от этого штампа в паспорте. А развод – это же с женой разборки устраивать, в загс идти. Мороки много, а толку – хрен. Не на продавщице же жениться. Тем более что она и аборт сделала. Ума хватило. В общем, он к маме вернулся. В том смысле, что Татьяна Михайловна сняла комнатуху в Подмосковье. Даже не комнатуху, а терраску на даче. Холодную. Сына пристроила – дачу, типа, охранять, снег на дорожках чистить... Утром вставала, шла к колодцу за водой, грела, умывалась сама. Ставила ведро на медленный огонь – чтобы сын проснулся и водичка была горячая. Готовила завтрак. Мыла посуду и ехала к нам – няней работать. Почему я ее взяла? Потому

что Вася замолкал, стоило Татьяне Михайловне взять его на руки. Потому что он уплетал за обе щеки то, что она готовила. А мою кашу размазывал по детскому стулу. Потому что она его быстро перепеленывала – жестким пеленанием, – и он тут же засыпал. А у меня никак не мог – размахивал ручками и сам себя пугал. Потому что когда у него болел животик, Татьяна Михайловна клала его себе на обширную грудь и засыпала сама. Под ее храп на разметающейся по дивану мягкой сиське четвертого размера Вася спал, как и положено младенцу. А по моей костлявой грудной клетке он елозил – не мог устроиться и плакал еще сильнее.

Летом мы уехали на дачу, а Татьяна Михайловна – в отпуск на родину, внучка пови-
дать. Договорились, что она приедет на день раньше, чем мы вернемся, уберет квартиру, а мы ей оставим на журнальном столике отпускные. Мы вернулись. Квартира была убрана. Денег на журнальном столике не было. Татьяны Михайловны тоже. Замки мы не меняли – Татьяна Михайловна правда зацеловывала Васю, когда думала, что ее никто не видит. Я не знаю, почему она пропала. И куда пропала, тоже внезапно. Когда кинулись – ни телефонов, ни паспортных данных, ни фотографии. Ничего. Странно даже. Мне кажется, что она вернулась к бывшему хозяину. Он ее звал назад, обещая повысить зарплату. А сын, наверное, нашел работу, и у него появилось жилье. Все правильно.

...Тамару Георгиевну мы нашли через агентство. Решили сделать все по-человечески – анкеты, собеседования. Тамара Георгиевна сидела в коридоре и явно нервничала. Два высших образования, колоссальный опыт работы и больные глаза. Я взяла ее из-за больных глаз. Тамара Георгиевна была тбилисской осетинкой. С точки зрения анкеты – хуже не бывает. Мало того что тбилисская, так еще и осетинка. Шансы устроиться на работу – на уровне удачи, в которую никто не верил.

Тамара Георгиевна пекла осетинские пироги со свекольной ботвой и пела ребенку «Сулико» по-грузински. Она редко улыбалась. Только тогда, когда звонила домой.

Дома, в Кирове, у Тамары Георгиевны остались сын Алик и дочь Ляля. Муж еще. Замуж Тамара Георгиевна вышла поздно – уже после института. Сватались многие – Тамара была видной девушкой, из богатой семьи – с нянями и помощницами по хозяйству. Но Тамаре никто не нравился – то глупый, то некрасивый, то болтун... Замуж Тамару выдал отец – за сына друга. Потому что сколько можно? Уже люди говорить стали. Тамара хотела мужа полюбить, но не смогла – не за что. Не читает, музыку не слушает, в театр не ходит. Правда, когда через год, через два, через три после свадьбы Тамара не могла забеременеть, люди опять стали говорить, – замуж поздно вышла – в двадцать шесть, родить не может. Муж гулять начал – Тамара знала, но молчала. Считала себя виноватой в том, что ребенка нет. А когда уже сил никаких не было, уже уходить собралась от мужа, оказалось, что беременна. И сына родила. Как положено. Алика. Пироги напекли, родственников позвали. Через два года дочка появилась – Лялочка. Но муж все равно гулял. А теперь куда уйдешь – двое детей.

Мужа Тамара не любила, а когда война началась – возненавидела. Он мужчина, а детей защитить не может. В школу приходили люди с автоматами и спрашивали, кто какой национальности. А Алик вставал всегда и говорил: «Я – грузин». Лялочка молчала. А Алик не мог промолчать. Возвращался из школы и сверкал глазами. Спрашивал: «Мама, почему?» А что она могла ему ответить? Лялочка просто плакала. Тамара просила мужа – давай уедем в Москву, к родственникам. У Тамары в Москве сестра троюродная, замужем за москвичом. Но сестра же. Приютит на первое время. Здесь только хуже будет. А муж не хотел ехать.

Я знала, что Тамара Георгиевна с детьми просидела три дня в подвале – в заложниках. Подробности она не рассказывала. Только губы в белую ниточку превращались, и как будто пелена глаза застилала. После этого муж согласился уехать. Но не в Москву, как просила Тамара, а в Киров, где жил его двоюродный брат. Уехали. Сначала было ничего – купили квартиру, гараж. Тамара Георгиевна продала свое золото. Дети учились. Она работала в институте.

У мужа была своя фирма. А потом все снова рухнуло. Фирма вместе с мужем. Муж, оставшись без работы, лежал на диване и смотрел в стену. Ругался. Орал на детей. А потом женщину себе завел. Тамара Георгиевна так и говорила – не бабу, не любовницу, а женщину. К ней уходил. Тамара Георгиевна работала, бегала по частным урокам. Кормила всю семью. В Москву она уехала, к троюродной сестре, после того как муж, вернувшись от любовницы, ее ударил. Не избил, просто ударил. За то, что не так посмотрела, не то сказала. Страшнее было другое – это сын видел. И за мать не вступился. Тамара Георгиевна собрала чемодан и уехала.

Здесь, в столице, сестра на третий день спросила, сколько еще времени Тамара собирается у них жить, и дала телефоны двух агентств – чтобы квартиру снять и работу найти. Тамара Георгиевна тогда всю ночь проплакала – в гостиной сестры, на мягком диване. А утром пошла устраиваться на работу. Здесь, в Москве, она поняла, что чувствовал ее сын, когда у него в школе спрашивали про национальность. Только девочки-менеджеры в агентствах обходились без лишних церемоний – сразу говорили в лоб. Или Тамара Георгиевна найдет работу у таких же, хм, с Кавказа, или вообще не найдет. Несмотря на опыт работы. С квартирой было так же – нет регистрации, «черная». Или халупа в ближнем Подмоскowie, или договаривайся с такими же приезжими, среди которых одна россиянка. Тогда россиянка могла снять квартиру «на себя» и говорить хозяину, что живет с подружкой, а остальные две-три женщины живут нелегально. Особенно Тамару Георгиевну возмущал тот факт, что хохлушки, к которым она относилась с внутренней сдержанностью, в Москве стояли на ступеньку выше в иерархии трудоустройства, чем она – «выходец с Кавказа». Этого Тамара Георгиевна понять не могла. Как и то, что сестра, хоть и троюродная, выставила ее за дверь.

Квартира нашлась, нашлась и работа. Полгода было все ничего. Маленький Вася мог поздороваться на трех языках – русском, грузинском и осетинском. Засыпал под «Сулико» или «Тбилисо», как будто его выключали кнопкой, а под мое «Ай люли-люленьки, прилетели гуленьки» морщился. Не плакал, просто морщился. Очень выразительно. Хотя я в хоре пела много лет.

Плохо стало, когда в Москве произошел теракт. Тамару Георгиевну стали останавливать в метро и проверять регистрацию. А хозяйка съемной квартиры просто позвонила и велела убратъся в течение суток.

Тамара Георгиевна поселилась у нас – в гостиной, на мягком диване. Вставала рано – раньше нас – и к моменту нашего подъема сидела на убранном диване с книжкой в руках. Мы собирались и убегали на работу. Так что никто никому не мешал. Мы только двери, до этого никогда не закрывавшиеся, научились закрывать. Муж тоже не возмущался. Он всю жизнь прожил с родителями за символической перегородкой – китайской ширмой. Нормально. Так многие живут.

А потом в Москву на практику захотела приехать Лялечка. Ее у нас мы поселить не могли. И сестра Тамары Георгиевны тоже не могла. Тамара Георгиевна вышла на новый круг – агентство, поиск квартиры...

Помогла моя мама. Мама всегда кидается на помощь, а потом зарекается это делать. Она уболтала агентшу, пообещала за квартиру на двадцать долларов больше и нашла в один день. Еще мама отдала Лялечке мои вещи, хранившиеся в чемодане на антресолях и ставшие мне необратимо малы. Лялечка крутилась перед зеркалом в моей бывшей комнате, Тамара Георгиевна плакала от благодарности на кухне.

Мы расстались по обоюдному согласию, но не смогли обойтись без перечисления списка накопленных обид.

Я не могла сказать этой интеллигентной, образованнейшей женщине, что в ее обязанности няни входит влажная уборка детской комнаты. Мне было неудобно. Удобнее было прийти с работы и вымыть пол за детской кроваткой.

Телефонные переговоры с Лялечкой я не слышала – я платила по счетам. Но Тамара Георгиевна мне рассказывала, о чем и сколько раз поговорила с дочкой. Все честно.

Она давно перестала печь пироги и при мне на ужин дала Васе вареное яйцо. Наверное, яйцо стало последней каплей. В этот момент я вспомнила, что Тамара Георгиевна – няня и получает за свою работу деньги.

Хотя нет, не яйцо. А то, что Вася перестал улыбаться. Без повода. Просто так. Вообще-то он улыбочивый мальчик.

Тамара Георгиевна сказала, что решила вернуться домой – в Киров. К семье. Когда собирала чемодан, сказала, что во всем виновата моя мама, которая сняла ей квартиру за другие деньги. Не те, на которые Тамара Георгиевна рассчитывала. Сказала, что я заставляла ее гулять с ребенком, когда она была больна. Что я плачу ей меньше, чем платят остальным няням в нашем районе. Я плакала в гостиной, а мой муж вызывал такси нашей няне. Донес чемодан до машины и заплатил. Он удивительный человек. Я бы так не смогла.

Тамара Георгиевна написала мне эсэмэску – поздравила Васю с днем рождения. Я ответила одним словом: «Спасибо». Больше мы не общались.

Я все знаю про климактерический период у женщин. Обеим няням я покупала таблетки от менопаузы. Это очень тяжело наблюдать. Приливы, отливы. Открытые форточки, закрытые форточки. Хорошее настроение, слезы... И когда снова пришла в агентство, попросила найти мне молодую.

Даша сбежала в Москву от мужа. Муж, ребенок и мама остались в Волжске, а Даша приехала к тетке в Москву. То есть сначала Даша отвезла ребенка к маме, сказала мужу все, что хотела, а потом уехала. Проблем с жильем не было – Даша жила у тетки. За угол мыла квартиру и готовила. С работой оказалось сложнее. Работодателей устраивало все – педагогическое образование, опыт работы в школе преподавателем русского и литературы. Не устраивал один пункт – дата рождения. Даша казалась работодателям, а точнее работодательницам, слишком молодой и слишком привлекательной. Работодатели были как раз не против.

Цель у Даши была одна – купить в Подмоскovie комнату и перевезти сюда дочку. Чтобы девочка училась в столице.

Даша проработала у нас три года. Критический срок. Хочется поменять работу, начальник стал совсем идиотом, денег мало, и вообще «я достойна большего». Даша шла по классической схеме. За это время она подружилась с коллегами по детской площадке, где бурно обсуждались вопросы цены. Даша пришла и сказала, что она стоит больше. Потому что, согласно опросу общественного мнения на детской площадке, она получает меньше всех. Мы повысили зарплату и успокоились на полгода. Потом у Даши появилась подружка. Тоже няня.

Эта няня говорила всем, что работала у Потанина и ушла сама. Ее в округе так и называли – «нянька Потанина». Хотя мало кто в это верил. Даже Даша не верила. В общем, эта «нянька Потанина» рассказывала Даше, как повысить свою конкурентоспособность и повыгоднее устроиться. Для начала нужно прочитать две книжки – Марию Монтессори и учебник по детской психологии. После прочтения в анкете можно будет написать: «знание развивающих методик и психологии». Даша не только книжки прочла, но и по старой преподавательской привычке написала конспекты. При этом полученные знания она не собиралась применять на этом месте работы – то есть у нас. А отложила тетрадки до лучших времен – новой работы.

С книжками у Даши вообще были отношения сложные. Она считала себя девушкой образованной и начитанной. Способной разобрать характер главного героя, раскрыть образ природы в произведении. Читала Даша то, что считала нужным. Вот, например, Пелевина – нужно. Это сейчас модно. Пелевин Даше не понравился. Под школьную схему никак не подгонялся. С Довлатовым вообще нехорошо вышло. Даша покрутила в руках книгу и спросила:

– А Довлатов – классик или современник?

Я не смогла ответить на этот вопрос. Современный классик? Даша не стала его читать, потому что ей нужно понимать, что она читает – классическую литературу или современную.

Или вот работа журналиста или писателя... К классикам русской литературы – Толстому, Некрасову – у нее не было вопросов. А ко мне – я тогда начала писать свой первый роман – очень много.

– Знаешь, я тут взяла почитать твое произведение, листы на столе валялись. Это же очень просто – он встал, она пошла, он повернулся, она оглянулась. Я тоже так могу. Только у меня времени нет. Деньги надо зарабатывать. А тебе хорошо. Муж тебя кормит, а ты с жиру бесишься.

На самом деле Даша была хорошей няней. Она любила детей. Не по работе, а просто так. Никогда не опаздывала.

Она уволилась сама. Просто поставила перед фактом: «Ухожу в эту пятницу. Меня ждут на новом месте». Даша хотела удержаться от подробностей и «последних слов», но не смогла.

Оказалось, что мы ее не ценим. Что теперь она стоит тысячу долларов минимум – с ее-то опытом и знаниями. Я напомнила, что опыт она приобрела у нас, а знания – это две книжки. Даша заплакала. И сказала, что раз с такой работой она не может устроить себе личную жизнь, то я должна компенсировать ей моральный ущерб.

Даша хотела, чтобы мы ей дали рекомендацию. Даже сама текст написала. Хороший текст. Только подписаться должна была не я, а мой муж. Потому что я – никто, а мой муж – начальник. Муж поставил автограф. Я передала ей рекомендательное письмо. Даша не поверила, что расписался мой муж, и уточнила – правда ли он сам расписывался? От меня она ждала места.

Еще у Даши была тетрадка с рецептами. Я попросила оставить мне рецепт домашних эклеров. Мы пекли на день рождения Васи, и дети их уминали. Даша рецепт оставлять пожалела. Сказала, что это ее «багаж».

За эти три года Даша купила-таки комнату в Подмосковье. Занимала, отдавала. Молодец, конечно. Но дочку так и не перевезла, хотя ее маме, то есть бабушке, которая сидела с внучкой, уже было под семьдесят.

– Привыкла жить одна, – сказала мне Даша.

Она звонила, сообщала, что с той работы, на которую она ушла от нас, ее уволили через две недели. Что-то она не то сказала маме ребенка. Теперь работает сутками. В коттедже. Еще она хотела приехать и повидать Васю. Я, как могла, отнекивалась. Потому что Вася уже был большой и многое понимал. Но еще был маленький, поэтому многого не понимал. Ребенок решил, что Даша его бросила, потому что он плохо себя вел. Вася плакал и говорил, что будет себя хорошо вести. Я тоже плакала и говорила, что Даша уехала в другой город к своей дочке. А Вася хороший, замечательный мальчик. Он еще месяца три, перечисляя своих родственников – мама, папа, бабушка, дедушка, брат, – называл Дашу. Как раньше. Я не была готова с ней встречаться. Не была готова к этому наша новая няня. Ее тоже можно понять – прийти на место человека, которого ребенок считал близким. Даша написала мне сумбурную, обидную эсэмэску. Я не ответила.

Мы решили купить синтезатор. Чтобы Вася с новой няней, окончившей консерваторию, учился играть. Идею покупки поддержали логопед, которая сказала, что будут развиваться пальчики, и врач – тоже из каких-то очень правильных соображений. Против были мой муж и моя мама. У мужа в его детстве был сосед сверху – хороший мальчик, целыми днями играющий гаммы, которого мужу ставили в пример. Теперь он представлял, как бедный Вася будет целыми днями играть гаммы. Моя мама настаивала на самовывозе моего старого инструмента из ее малогабаритной квартиры. Мало того что она до сих пор бьется о пианино бедром, так еще и шкаф некуда ставить. Продать инструмент у нее почему-то рука не поднимается. Хотя

я несколько раз просила – когда училась в музыкальной школе. Помню, мама тогда собрала моих кукол и отнесла в детский сад. Мне было лет семь и кукол еще было жалко. А пианино не жалко было сразу. Я даже собиралась сама пойти в детский сад к своей воспитательнице Нине Павловне и предложить обмен – кукол на пианино. Мне было страшно даже к нему подходить. Пианино было не как у всех моих однокашниц по музыкалке – коричневым, а черным. Чтобы не мучить соседей, мама открывала крышку и вешала на струны махровое полотенце – клавиши нажимались, а звука не было. Когда мама открывала крышку, я отодвигалась подальше. Мне казалось, что из пианино выпрыгнет сурок. Я тогда играла «Сурка» Бетховена, но не знала, как выглядит этот зверь. А моя учительница, Евдокия Григорьевна, сказала, что, если я не буду заниматься и плохо сыграю, обиженный сурок выпрыгнет и отгрызет мне пальцы. «Сурка» я отказывалась играть с истерикой. Евдокию Григорьевну боялись все ученики. А родители после общения с ней считали себя умственно неполноценными. Евдокия Григорьевна, Евда по-простому, в дневнике писала приговоры: «Маша ленивая, эмоционально неразвитая. Толку от занятий чуть», «Тот факт, что у Лили развито чувство ритма и есть слух, не означает, что она должна посещать музыкальную школу». Евдокия Григорьевна назначала нам дополнительные занятия у себя дома. Мы с Лилькой после нескольких скандалов с родителями поняли, что от Евды нам никуда не деться. Ситуация изменилась после того, как мы с Лилькой побывали на дополнительных. У Евды обнаружился сын-старшеклассник, в которого мы с Лилькой влюбились. Мы перестали стучать обратной стороной градусника по коленке, чтобы он показал тридцать семь и шесть, – повод не ходить к Евде, которая шарахалась от гриппующих детей. Мы перестали опаздывать. Приходили даже раньше в надежде, что дверь откроет не Евда, а ее сын. Сын открывал, махал рукой – мол, проходите – и скрывался в своей комнате. Нам с Лилькой было достаточно этого взмаха для полного счастья. Иногда во время занятий сын Евды выходил из своей комнаты и шел через большую, где стоял рояль, на кухню. Мы с Лилькой путались в пальцах и переставали слышать метроном. Мы с Лилькой придумывали, как передать записку сыну так, чтобы не нашла Евда. Оставить на пианино? Незаметно засунуть в его куртку в прихожей? В результате мы с Лилькой даже поругались – спорили, кто из нас больше понравится сыну. И кто будет первой оставлять записку...

Мы сидели с новой няней на кухне и обсуждали, как построить учебный процесс, чтобы Васе понравилось. Через пять минут разговор свелся к воспоминаниям.

– Моя учительница била перстнем. Таким огромным. Она отбивала им такт и, если я сбивалась, лупила им же по пальцам, – говорила я.

– А меня нотами били, – подхватывала няня. – А сейчас что-нибудь помнишь?

Самое ужасное, что помню. Я, правда, испугалась, когда спустя пятнадцать лет после окончания школы подошла в гости к инструменту и заиграла «Подснежник» из «Времен года» Чайковского. Свое выпускное произведение.

– А «молоточки» и «яблочки» будем делать? – спросила няня-концертмейстер.

– Нет! – чуть ли не закричала я.

Все было как вчера. Евда вцеплялась в мой палец, поднимала и вбивала, вдавливая его в крышку инструмента. Это «молоточки». Мне казалось, что она рано или поздно вывихнет мне палец. «Яблочком» нужно было держать кисть. Если кисть падала, я получала по рукам. Перстнем, который она перед уроком переворачивала камнем внутрь.

Однажды Евда сняла перстень и забыла его на стопке нот. Лилька, которая тоже получала по пальцам регулярно, схватила украшение и нацарапала им на крышке пианино: «Евда – дура». Дело в том, что накануне мы увидели сына Евды с другой девочкой из нашей музыкалки. Девочка, по нашему с Лилькой мнению, была страшной и толстой. Перстень, как оказалось, отлично царапал не только наши руки в кровь, но и краску. Мы с Лилькой после этого помирились, решили бросить сына Евды и еще долго ходили счастливыми, хотя дома получили по мозгам и я, и она – наши родители должны были скинуться на новый инструмент.

– А если Вася откажется? – спрашивает мой муж. – Куда денем синтезатор?
Я понимаю, что ему не денег жалко, а ребенка.

Дядя Ося, тетя Лариса и «доктор софт»

Сдача анализов – эта такая вещь, которая откладывается в подсознании с раннего детства. Я, например, помню, как у меня в детстве брали кровь из пальца. То есть я помню грибок с ежиком, нарисованные на стене поликлиники. Длинная очередь, и мы с мамой за тетенькой в красном берете. Однажды мы пропустили очередь, и пришлось вставать заново – коварная тетенька, пока мы ходили в туалет, сняла берет, и мы ее не узнали. А она сделала вид, что не узнала нас, и не призналась, что мы – за ней. Еще помню, как мама вывернула наизнанку свой белый югославский плащ и прошла в кабинет. Как будто она врач. Положила на стол медсестры прихваченную из дома шоколадку, и меня вызвали без очереди. Я убежала из поликлиники, заливаясь слезами. Потому что было нечестно идти без очереди. Потому что это была моя шоколадка. Потому что очередь мою маму, несмотря на камуфляж, «вычислила» и обругала «спекулянткой».

Помню школьный позор, когда нужно было принести кал на яйцеглист в спичечном коробке, обернутом в бумажку, а на бумажке написать имя, фамилию и класс. Все это хозяйство перетянуть резинкой. У нас в доме то не было коробка, то резинки, то мама неразборчиво писала мою фамилию. Помню, как школьная медсестра поднимала меня перед всем классом и, потряхивая стеклянной двухлитровой банкой – единственной тарой, до которой додумалась моя мама, – вопрошала:

– Это твое?

Я молчала и не признавалась.

– Вот как надо приносить! – Медсестра совала мне в нос коробок моего одноклассника Женьки Сидорова. Красиво обернутый и перетянутый черной медицинской резинкой, а не нитками красного цвета, которыми моя мамуля примотала бумажку к двухлитровой банке.

Мочу я вообще никогда не могла сдать с первого раза. Опять же из-за мамы. Мама бежала в поликлинику уже с трехлитровой банкой – банки в отличие от спичечных коробков у нас водились в избытке благодаря бабушке, которая присылала из южного города, где она жила, компоты. Поскольку было раннее зимнее утро и мама спешила на работу, то под ноги она не смотрела. На подходе к поликлинике она поскользнулась и рухнула. Банка разбилась. На следующее утро с новой банкой мама опять побежала в поликлинику. Добралась благополучно. Но споткнулась о порожек и влетела в тележку, на которой стояли многочисленные баночки с чужими анализами. Она разбила не только нашу банку, но и перевернула тележку. Самое ужасное, что она скрылась с места преступления, оставив в залитом мочой кабинете пять рублей – компенсацию за нанесенный ущерб.

Сейчас другая жизнь. Можно вызвать на дом медсестру, которая приедет, возьмет у ребенка все анализы и уедет, сказав «спасибо». Можно приехать в ближайшую к дому лабораторию и без очереди сдать кровь и пописать в чистом туалете в стерильную баночку.

Я привезла мужа сдавать кровь. Молоденькая медсестра с пышным бюстом и в коротком халатике ласково предложила ему расслабиться и «поработать кулачком». Я думала, что она сейчас расскажет ему еще и про маленького комарика, который его укусит. Место укола было заботливо заклеено пластырем и перемотано бинтом, как будто у мужа там какая-то рана. Муж вышел из кабинета героем – его похвалили за смелость. Мне медсестра вручила его портфель, наказала мужа накормить, дать ему отдохнуть и не пускать в душное помещение. Я везла мужа на работу. Он рассказывал по телефону, что задерживается, потому что сдавал кровь. Его жалели. По результатам анализов ему прописали красное вино вместо виски и коньяка, чтобы снизить уровень холестерина, и активный отдых на природе. Я решила тоже сдать анализы, чтобы мне прописали что-нибудь вроде этого.

* * *

Когда Васе было почти шесть лет, он очень хотел поскорее лишиться зубов. Двух нижних он уже лишился, но ему мало – верхний шатался, но никак не выпадал. Вася расстраивался, потому что у Геры, друга по теннисной секции, было уже три коренных зуба, а у Васи только два.

– Как дела? – деловито спрашивал Гера Васю перед занятием.

– Шатается, – расстроенно докладывал Вася. Чтобы как-то сравнить положение, он «случайно» при ударе задевал Геру ракеткой. Гера давал сдачи. Оба зарабатывали по десять приседаний и по пять отжиманий. Зуб никак не выпадал, ребята на каждом занятии обменивались ударами и уже без крика тренера плюхались на пол отжиматься. Не знаю, как там с теннисом, но с ОФП у Васи все в порядке.

– Надо отвести Васю к дантисту, – сказал муж после того, как Вася ему улыбнулся. Зубик стоял уже перпендикулярно, и ребенок был похож на Бабу-ягу в детстве.

Я вспомнила свои детские походы к стоматологу. Тогда эти врачи назывались «стоматологи», что звучит страшнее, чем дантист.

В школу пришли две женщины в белых халатах и прямо в классе стали проверять прикус. Мы сначала закричали: «Ура, математики не будет!» Но когда врачихи стали лезть пальцами прямо в рот, больно растягивая губы, давя на подбородок и щеки, мы были согласны хоть на две математики подряд.

Неправильный прикус оказался у меня, у вредины Настьки и у Женьки Сидорова – моего одноклассника и соседа с шестого этажа. Женьке было все равно – у него не только прикус был неправильный, но и все остальное. С ним и так никто не дружил. А я страдала. Потому что со мной тоже перестали дружить. Меня даже не радовал тот факт, что Настька перестала быть самой красивой девочкой в классе и что она написала мне записку: «Давай теперь дружить вместе». Интересно, а Сидорову она предлагала дружбу?

Потом мы с мамой ездили в поликлинику. Автобусы ходили плохо, и я до последнего надеялась, что автобус не придет. Потом надеялась, что мама забудет бросить пять копеек в автомат, не отмотает билет и нас высадят.

В самой поликлинике карту нужно было бросить в специальную щель на двери кабинета. И сидеть ждать, когда вызовут. Я надеялась, что мою карту забудут в двери. В очереди всегда оказывались более опытные дети, которые рассказывали про то, что происходит «там». Если попадешь на кресло в углу – все, считай, конец. Будет очень больно. Но кричать нельзя и руками хватать врача тоже нельзя. Она возьмет и пристегнет руки ремнями. И все знали мальчика, которому руки пристегнули и он так и просидел в кабинете до вечера. Весь рот ему просверлили. А если попадешь в кресло справа – считай, повезло. Там врачиха добрая.

Мне прописали пластинку – железку на пластмассовом нёбе, которую нужно было доставать, когда ешь, и класть в стакан с кипяченой водой. Выдали ключик для подкручивания пластинки. Его нельзя было терять. Я помню привкус пластмассы во рту и ощущения, когда языком трогаешь железный механизм скрепления. Еще нужно было ездить в поликлинику на «зарядку». Врач давала мне резиновое колечко, которое нужно было перекачивать во рту по часовой стрелке. Мало того что я от страха с трудом воображала, как ходит часовая стрелка, так еще боялась это колечко нечаянно проглотить.

По дороге в поликлинику я успокаивала себя тем, что бывает хуже. Как ни странно, успокоила Настька. Она сказала, что ей сказал мальчик, а тому сказал другой мальчик, что на другом этаже детям делают операции. Острыми ножами.

– А что им делают? – спросила я и из-за пластинки гулко застучала зубами.

– Уздечку подрезают, – прошамкала тоже из-за пластинки Настька.

Что такое уздечка и зачем нужно ее подрезать, я не знала.

– Слышишь? – опять прошамкала Настька.

– Нет, а что?

– Крики. Я тоже не слышу. Но тот мальчик сказал, что кричат.

Когда мне подкрутили пластинку и мы с мамой шли по дорожке к остановке, я увидела этих несчастных детей. В окне, на первом этаже. Точнее, я увидела только спины врачей, склонившихся над креслом. Спин было много. Они не двигались.

Помню, что из-за пластинки все время текли слюни и на словах с шипящими я присвистывала. В классе меня дразнили Вторчерметом и все время с кем-нибудь знакомили. «Тебя как зовут?» – спрашивал мальчик из класса «Б», к которому меня подводили мои одноклассники. «Маса», – говорила я.

Настьке сняли пластинку первой. Она опять стала самой красивой девочкой в классе и написала мне записку: «Больше я с тобой не дружу». После этого я потеряла все сразу – пластинку, ключ от пластинки и даже «мой» стакан с водой. Собрала все в носовой платок, хотела выбросить в мусоропровод, но не рискнула. Поэтому носовой платок я засунула на самую верхнюю полку шкафа, в самое страшное место – туда, где хранилась мамина лиса. Я быстро засунула платок и выдернула руку.

Лиса когда-то была бабушкина, а потом ее хранила мама. Лиса была воротником. Когда-то очень модным. Я видела фотографию – лиса лежала на бабушкиных плечах, свесив лапки, и сверкала искусственными глазами. Бабушка улыбалась и придерживала лису за хвост. Мама знала, что я боюсь воротника, но не могла от него избавиться. По-моему, из-за бабушкиной фотографии.

Сейчас я хожу лечить зубы к другу своего мужа – дантисту. Он работает в частном стоматологическом кабинете. Там стоят оранжевые кресла и звучит классическая музыка. Друга мужа я никогда не узнаю без маски. Он как-то вышел сам меня встретить вместо медсестры. Так я с ним даже не поздоровалась. Потом он вышел из кабинета и вернулся уже в маске. Я его узнала, заулыбалась и стала спрашивать про жену и детей. Он, наверное, решил, что я странная девушка. То есть он давно так думает. Потому что я, усаживаясь в кресло, сразу по детской привычке запихиваю руки под попу – чтобы его за халат не схватить. И глаза зажимаю сильно-сильно. Он и разговаривает со мной, как с ребенком: «Машенька, а сейчас мы будем плескаться-бултыхаться». Это значит, что нужно прополоскать рот. А как-то даже пытался развеселить меня крокодилчиком. Друг мужа сломал указательный палец, и ему гипс наложили. На гипсе он нарисовал маркером мордочку крокодилчика. «Машенька, открой глаза, смотри, какой крокодилчик», – говорил он мне. Я мотала головой и говорила «ы-ы-ы», потому что ничего другого сказать не могла. Во рту была вата. Вообще мне нравится эта привычка зубных врачей задавать вопросы, когда пациент может только ыкать и головой мотать.

Плакать меня отучила мама. «Есть два повода для слез – когда болеет ребенок и когда умирает мать», – говорила она мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.